

Юноша ответил:

— Городок Фаран.

Так и есть. Кевин подумал про себя: точно, это всё ещё те последствия, что оставила после себя мерзкая выходка Манкао. Тогда, в Фаране, у самой старшей из похищенных женщин был ребёнок лет трёх-четырёх. Если он выжил, сейчас ему должно быть пятнадцать-шестнадцать.

— Когда Манкао подослал людей сжечь наш дом, я не умер до конца — меня подобрал нищий, и с тех пор я скитался с ним по свету. Прошлой зимой он умер, и я опять остался один. Я подумал: раз всё равно не жить мне долго, почему бы не попытаться отомстить.

Кевин хмыкнул и кивнул:

— Ну, месть свершилась. Не думаешь вернуться?

— Нет, не получится. Манкао уже давно прознал, что не все из тех, кто был замешан, тогда погибли, и охотился за мной почти год, — сказал юноша. — Если вернусь, всё равно придётся прятаться.

— И что же ты будешь делать? — спросил Бан.

Юноша постоял какое-то время растерянный и одинокий, потом поднял взгляд на Кевина:

— Я... я могу пойти с вами в Королевство Золотого Льва? Просто следом, я не знаю дороги, а как войдём в город — я сразу уйду.

Кевин: «...»

Немного погодя Освальд нахмурился:

— У вас случайно нет каких-нибудь странных пристрастий, лорд Фассбиндер? Не успел я вас оставить, а вы уже двух сопляков подобрали. Взрослые из тех двух родов вам что, не высказали?

Кевин сухо усмехнулся и хлопнул Бана по плечу:

— Раз уж этот парень смахивает на наш национальный талисман, пусть при мне годик-другой потолкается.

Затем он похлопал и белокурого юношу в саване:

— А этот — раз он так же, как я, дороги не различает, пусть хоть в город войдёт.

Освальд: «...»

Он окинул взглядом обоих несовершеннолетних, потом холодно бросил Кевину:

— Сколько лет не виделись, а ты, гляжу, обзавёлся совестью?

Кевин цокнул:

— ...Нельзя, что ли, быть добрым?

Через несколько минут Железная кавалерия Уцзинь двинулась в путь с развевающимися знамёнами. Впереди ехал Освальд, за ним — Мио и два заместителя командира; на спинах гиппогрифов у каждого из заместителей сидел по одному мальчугану — Бан и тот белокожий юноша.

А в хвосте колонны везли боевые стяги Железной кавалерии Уцзинь и Королевства Золотого Льва. Знамёна крепились на квадратном постаменте из чёрного золота, тот стоял на колёсах, и везли его два гиппогрифа ровным шагом.

Сам же лорд Кевин Фассбиндер, которому, похоже, надоело жить, поплатился за свой длинный язык и шаловливые руки: его привязали к двум стоящим рядом древкам знамён, и пока гиппогрифы неслись стрелой, он развевался на ветру.

Река Кла была недалеко от границы Королевства Золотого Льва — если переправиться напрямик, к утру можно достичь столицы Сент-Антис с запасом. Но целая армия не могла пройти незаметно, легко было потревожить жителей окрестных городков, поэтому Освальд решил сделать небольшой крюк. В итоге они потратили вдвое больше времени и добрались до Висячего замка Уцзинь только глубокой ночью следующего дня.

Хотя Королевство Золотого Льва уже давно утратило былую славу, по величественным чертогам можно было видеть следы былого процветания.

Здесь, пожалуй, один из самых причудливых ландшафтов на севере континента: земля вздымается каменными столбами, словно зонтами, на разной высоте, и соединяются они длинными мостами и подвесными переходами. Из-за древности, уходящей в такую глубину, что никто не помнит, когда их возвели, эти пути прозвали Путь Богов.

А Висячий замок Уцзинь тихо покоился на самом высоком из этих столбов.

Железные петли заскрежетали, и ворота замка медленно опустились.

Железная кавалерия не стала заезжать внутрь; развернувшись, они затоптали налево по переходу, что вёл к их собственному лагерю. Стража замка выбежала колонной и построилась по обе стороны от ворот, затем с грохотом щёлкнула каблуками — шум отогнал от Кевина всякую дремоту.

Бесстрашный лорд Фассбиндер, как всегда, сохранял невозмутимость — даже когда его выставили на всеобщее обозрение, привязанным к древку. Освальд в середине пути уже собрался было отвязать его, но, спешившись и взглянув, понял, что этот господин ни капли не раскаивается и уже давно спит.

Во сне он не терял бдительности: услышав шаги Освальда, приподнял одно веко, скользнул взглядом, удостоверился, что опасности нет, и снова отключился. Освальд аж взбесился, и тогда, снова тронувшись в путь, продержал его на знамени ещё добрых полдня, и лишь потом снял.

Освальд и сам не знал почему, но при виде этого «всё равно, тебе меня не пронять» выражения у него начинали зудеть зубы. Хотя он знал, что Кевин таков от природы и никого специально не злит. То ли это были последствия того, как он в детстве бегал за ним как привязанный, то ли просто брала верх мужская соревновательная жилка — он постоянно пробовал разные способы, чтобы прижать Кевина, хоть раз заставить его сдаться. Но этот господин ни в грош не ставил его уловки и ещё вдобавок дразнил его, как кота.

Освальд привык к этому и не считал, что в этом есть что-то неладное, но посторонним всё это очень напоминало откровенный вызов.

— Ваше Величество, тогда я вернусь в лагерь, — сказал Мио, натягивая поводья, и обратился к Освальду.

Лагерь Бронзовой армии располагался напротив лагеря Железной кавалерии Уцзинь, соединяясь со столбом другим переходом; в ночи там мерцали огоньки. Раньше Кевин жил именно там. «Жил» — громко сказано: по сути, он почти никогда там не задерживался. Большую часть времени Бронзовая армия несла службу на западном рубеже Королевства, у самой границы с пустошами, и лишь в сезон дождей снималась и возвращалась в столицу передохнуть.

Услышав слова Мио, Кевин потянулся, разминая кости, и поддакнул:

— Тогда я тоже...

— Тоже что? — Освальд покосился на него небрежно. — Вы же всю дорогу глаз не открывали, лорд, наверное, уже выспались?

Кевин беззаботно отмахнулся:

— Выспался не выспался — потом разберёмся, а пока я хотя бы пристроюсь. Мио, в лагере найдётся свободная койка?

Он, конечно, не рассчитывал, что там сохранят комнату для «командира, который уже несколько лет как мёртв», но место для ночлега наверняка найдётся.

Мио кивнул и уже открыл рот, но Освальд перебил его. Тот указал подбородком на распахнутые ворота:

— С ночлегом подождём, сначала получишь взыскание. Идём за мной.

С этими словами он натянул поводья и въехал на гиппогрифе в ворота замка.

Кевин пожал плечами в сторону Мио — мол, ступай, — а сам погнал гиппогрифа следом за Освальдом и с неудовольствием бросил:

— ...Меня всю дорогу как воздушного змея на верёвке таскали — этого ещё не довольно?

Висячий замок Уцзинь был величественным и сложным по устройству: внешняя часть — помещения для стражи, средняя — парадные залы и башни для государственных дел, а самая глубь — покои императора.

У третьих по счёту высоких ворот они спешили. Освальд бросил поводья сопровождавшему их отряду стражников и, указав на две человеческие фигурки, что тащились за Кевином, распорядился:

— Найдите этим двоим временное жильё, да смотрите, чтобы далеко не убежали.

Бан и белокожий юноша беспомощно глянули на Кевина и, оглядываясь через каждые три шага, пошли за стражей.

— А я? — усмехнувшись, спросил Кевин, ожидая, что же ещё придумал Освальд.

— А ты... — только начал Освальд, как вдруг изнутри донеслось «шлёп-шлёп-шлёп» — звук быстрых бегущих ножек, довольно весёлый.

Кевин обернулся и увидел, как к Освальду, словно ручная граната, катится девочка ростом ему чуть выше колена. Она рванула прямо к нему, ещё на бегу раскинув руки-пампушки, и защебетала, как воробей, — казалось, она вне себя от счастья.

Освальд нагнулся и, когда она добежала, подхватил её одной рукой, нахмурившись:

— Почему ты ещё не спишь в такой час? Так и будешь коротышкой!

Юный император был хорош собой, но когда хмурил брови, в нём чувствовалась суровая сила — мог бы напугать любого ребёнка. Однако эта девочка лет четырёх-пяти совершенно его не боялась; она обхватила его за шею и — «чмок!» — чмокнула в щёку.

Освальд цокнул и отстранился с брезгливым видом:

— Вечно ты меня слюнями измажешь.

Девочка звонко засмеялась.

Освальд: «...»

Он как раз повернул голову и встретился взглядом с Кевином, который стоял сложив руки и с интересом наблюдал за сценой. Тот приподнял подбородок и с довольным видом сказал:

— Ребёнок уже такой большой. Я не ошибаюсь, Ваше Величество, вам ведь всего двадцать один? Значит, вы стали отцом ещё до совершеннолетия. А мы и не знали, какой вы способный.

Освальд: «...» Да пошёл ты.

Если бы кто-то другой осмелился сказать такое, Освальд даже не обратил бы внимания. Да и вообще мало кто рискнул бы задать подобный вопрос в таком тоне. Но раз Кевин отпустил эту колкость, он просто не мог не наказать его как следует — чтобы впредь nepовaдно было!

И что значит «и не знали»?!

<http://bllate.org/book/18285/1753190>